

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Борис Гаспаров. В Непале есть столица Катманду.</i>	5
Благодарности	9
Предисловие.	12
1. Изгнанник, турист, путешественник.	37
2. Путеводитель по имперским мифологиям. Ленинград	95
3. Постколониальная элегия. Мексика	126
4. Человек метрополии и третий мир.	150
5. Время, пространство и ориентализм. Стамбул.	167
6. Демонстрация культурных различий. Венеция.	218
Заключение	306
Именной указатель.	312

ПРЕДИСЛОВИЕ

В документальном фильме 1989 года «Иосиф Бродский: пространство, сводящее с ума» («Joseph Brodsky: A Maddening Space») есть сцена, в которой авторы фильма показывают поэту фотографии, сделанные семнадцать лет назад в Ленинграде в день его отъезда из СССР. Видно, как поэт волнуется и испытывает дискомфорт, когда его просят прокомментировать его фотографии, сделанные в момент отъезда, или фотографии родных и друзей, сделанные сразу после проводов. Снимки возвращают Бродского назад к моменту отъезда, заставляя его реагировать, обозначая одновременно личную потерю и культурную значимость принятого решения эмигрировать. Ведущий переводит беседу на тему восприятия Бродского в России (фильм снят после того, как в 1987 году поэт получил Нобелевскую премию и некоторые его произведения были впервые напечатаны в советских журналах и газетах). На вопрос, как он видит себя по отношению к русским читателям, Бродский отвечает, что внимание государственных издательств и молодых читателей «может щекотать мое эго», но «в действительности мне нет дела до того, что думает новое поколение». Далее он поясняет: «Близость, чувства ты ощущаешь к тому поколению, к которому принадлежишь»¹.

¹ Иосиф Бродский в: Joseph Brodsky: A Maddening Space, режиссер Лоренс Риткетли, производство Public Broadcasting Service и Channel 4.

Из этого и других интервью, а также из многих посвящений, аллюзий и отсылок в произведениях Бродского можно заключить, что его воображаемыми читателями, помимо общества мертвых поэтов, которое он любовно создает в своих эссе, была группа ленинградских друзей и знакомых, некоторых из которых он увидел на фотографиях. Но, несмотря на декларируемую приверженность именно этому узкому кругу читателей, Бродский приобрел огромное значение для многих русских за его пределами. Он был одной из главных публичных фигур советской эмиграции в эпоху холодной войны, и его роль как образца для конструирования русской культурной идентичности в последние годы существования Советского Союза была исключительно важной (и продолжает таковой оставаться). Светлана Бойм, писавшая о Бродском и Венеции в посвященном ему эссе, вошедшем в книгу «Будущее ностальгии», пишет о Бродском как о фигуре, значимой не только для нее самой, но для многих образованных русских, для которых могила поэта на венецианском острове Сан-Микеле стала местом культурного паломничества:

В день похорон Бродского в Венеции его вдова и друзья обнаружили, что выбранное для погребения поэта место находится по соседству с могилой Эзры Паунда. Они немедленно возмущались, отказываясь хоронить Бродского рядом с тем, кого он презирал по художественным и политическим причинам. Теперь Бродский лежит неподалеку от Стравинского, другого модерниста-космополита. И все же есть некоторая поэтическая справедливость в том, что поэт похоронен не в Петербурге, а в Венеции. В конце концов «Пенелопа среди городов» обрела своего заблудшего героя¹.

Раздраженная реакция на предложенное место захоронения, искусно вплетаемая Бойм в узор русских культурных

¹ Svetlana Boym, *The Future of Nostalgia* (New York: Basic Books, 2001), 307. «Пенелопа среди городов» — цитата из эссе Бродского «Watermark» (New York: Farrar, Strauss and Giroux). [Цитата приводится по русскому переводу эссе — «Набережная неизлечимых», сделанному Г. Дашевским. — *Прим. перев.*]

мифов, вызывает вопрос о месте Бродского как последователя «модернистов-космополитов», часть из которых, как того же Эзру Паунда, он яростно критиковал, тогда как о других отзывался с исключительной любовью, когда формировал собственный образ в поэзии и прозе¹, — У.Х. Оден первый, кто приходит на ум².

Вопрос, который рассматривается в этой книге, связан с некоторой архаичностью позиции Бродского. Что значит быть последователем модернистского космополитизма в последние десятилетия XX века, когда идеологические основы этой позиции поставлены под сомнение постиндустриальной глобализацией и мировой миграцией, с одной стороны, и постмодернистской концепцией субъективности, с другой? Вместо того чтобы следовать общепринятой концепции рассмотрения Бродского как наследника главных поэтов русского и англоязычного модернизма, я пытаюсь критически рассмотреть это мнение через призму его путевой прозы

¹ Автор использует здесь термин Стивена Гринблатта *self-fashioning*, который обычно переводится на русский как самоформирование (ср. перевод Г. Дашевского). Гринблатт применяет его для описания стратегий формирования собственного образа художниками Возрождения. — *Прим. перев.*

² Использование Бродским имен группы модернистов-космополитов как «набора ссылок» (пользуюсь термином, который Патрик Колм Хоган употреблял для описания канонической литературы и которым он характеризовал конструирование идентичности таких постколониальных авторов, как Дерек Уолкотт) можно проиллюстрировать на примере начала эссе «Поклониться тени». Автор, вспоминая причины, по которым он начал писать на английском языке, отрицает аналогию с такими модернистами, как Конрад, Набоков или Беккет, обратившись к «языку иному, нежели [их] родной» «по необходимости», «из жгучего честолюбия», «ради большего отчуждения». Его цель, как он отмечает, была «очутиться в большей близости к человеку, которого я считал величайшим умом XX века: к Уистану Хью Одну» (СИБ2, 5, 256; пер. Е. Касаткиной). Отвергая канонические модернистские мотивы в качестве модели собственного обращения к английскому языку, Бродский неосторожно выдвигает на первый план их важность как точек культурного отсчета при конструировании собственной идентичности, не говоря уже об аффективном сближении с Оденем, который стал образцом модернизма и космополитизма в самоформировании будущего нобелевского лауреата. См. рассуждения об Уолкотте в книге Патрика Колма Хогана «Империя и поэтический голос: когнитивные и культурологические исследования литературной традиции и колониализма» (Patrick Colm Hogan, *Empire and Poetic Voice: Cognitive and Cultural Studies of Literary Tradition and Colonialism* (Albany: State University of New York Press, 2004), 157–196).

и стихов. Еще одно общее место, которое подвергается сомнению в этой работе, — это понятие изгнания, которое до сих пор было отправной точкой (как биографической, так и концептуальной) для большинства научных работ о произведениях Бродского. Не фокусируясь на проблеме изгнания, книга исследует стихи и прозу Бродского в жанре путешествия не столько *вопреки* модернистскому дискурсу изгнания, сколько *вне* его. Анализ перемещается в область современного изучения путешествий как объекта литературоведения и культурологии, возникшую в последние годы вокруг исследований путешествий и травелогов. Здесь не ставится цель подорвать культурный статус Бродского как писателя в изгнании или поставить под сомнение трагические основания его отъезда. Независимо от того, смотрим ли мы на его жизнь как на трагическую судьбу личности в условиях тоталитарного режима или как на один из примеров успеха, достигнутого в изгнании, произведения Бродского остаются несомненным доказательством мучительности персонального выбора и сложности внешних обстоятельств, определяющих этот выбор. В книге сделана попытка включить Бродского в диалог с ведущими представителями постколониальных и постмодернистских исследований, чтобы создать новый контекст для изучения его путевой прозы и поэзии. Такой диалог позволяет увидеть новую перспективу для анализа геополитических, философских и лингвистических оснований поэтического воображения Бродского. Это позволяет взглянуть на главные темы его творчества с земной, а не с метафизической или трансцендентальной точки зрения. Жанр путешествия дает Бродскому дискурсивное пространство для рассмотрения его собственной транскультурности и для веских суждений о перемещении, культуре, истории, географии, времени и пространстве — обо всех главных темах его поэзии.

Идея географического пространства возникает как мощный творческий импульс в ранних стихотворениях Бродского, вдохновленных опытом геологических экспедиций. В его последующем творчестве она представлена через все нарастающее осознание имперской темы, причем история

империй явным образом связана с креативностью и маскированностью. В конечном счете история и география, время и пространство были понятиями, с помощью которых Бродский представлял противоречия между Востоком и Западом, метрополией и третьим миром, культурной значимостью и незначительностью. Бродский с помощью географического воображения помещал лирического героя и путешествующего автора в европейские и неевропейские пейзажи, но, кроме того, включал их в исторический нарратив путешествий и колонизации. Путевая поэзия и проза Бродского, созданная в эмиграции, обращена к послевоенной ситуации, когда необратимый эффект влияния массового туризма на жанр литературного путешествия начал широко осознаваться авторами травелогов и культурологами на Западе. Образ *Путешественника*, ставший сложной автобиографической метафорой в путевых текстах Бродского, написанных после 1972 года, передает ностальгию автора по мифическому *путешествующему джентльмену* и по утраченной в постколониальную эру возможности аутентичных путешествий, приключений и открытий. Эта фигура обозначает ностальгическое отношение Бродского к эстетической и экзистенциальной изоляции модернистской субъективности. Таким образом, литературные путешествия Бродского были ответом не только на состояние изгнания, но и на феномен туризма и прежде всего на постмодернистский и постколониальный пейзаж, который сформировал его путевую поэзию и прозу¹.

¹ Дин Макканнел указывает на связь между туризмом и постмодернизмом в предисловии к изданию 1989 года своей книги «Турист» («The Tourist», 1976), ставшей классическим исследованием феномена туризма, отмечая, что в основе его лежит «процесс, в ходе которого современность, модернизация, современная культура основывают свою империю на глобальной основе», и поэтому он должен быть отнесен не к модернизму, а к постмодернизму. Макканнел отрицает декларацию о «мертвых субъектах, мертвых эпохах, мертвых голосах», провозглашаемую главными критиками постмодерна — для него они представляют «нереализованную скорбь» и «выражение антикреативного этоса, ностальгии по буржуазному или картезианскому субъекту и европоцентрическому прошлому — тем самым понятиям и институтам, которые критики хотят деконструировать». Тем не менее Макканнел интересуется, действительно ли его турист «был фигурой раннего постмодерна, отчужденной, но жаждущей

Существенным вкладом Бродского в развитие русской литературы второй половины XX века можно считать широкий географический охват его поэзии и прозы. Бродский был не *автором путешествий*, но *путешествующим автором*, написавшим значительное количество поэтических текстов, которые соотносятся с его путешествиями по Советскому Союзу и за его пределами. После эмиграции Бродский много путешествовал по Западу, в то время как большинство советских граждан, включая писателей, не могли выезжать за границу или описывать страны и территории вне советского пространства. Опыт путешествий, полученный Бродским в этот период жизни, отражен в стихотворениях о европейских странах и городах, эссе, посвященном Венеции, и трех произведениях, относящихся к его поездкам за пределы Европы и Северной Америки, — поэтическом цикле «Мексиканский дивертисмент» и двух эссе, «После путешествия, или Посвящается позвоночнику» и «Путешествие в Стамбул», отражающих соответственно его визиты в Рио-де-Жанейро и Стамбул. Два последних текста, первый из которых включен в сборник «О скорби и разуме», второй — в «Меньше единицы», представляют литературу путешествий в том смысле, в котором о ней обычно говорят: рассказ автора о поездке в некоторое место с описанием иностранных обычаев и встреченных людей, но, кроме того, они дают представление о чрезвычайно субъективном историческом и географическом воображении автора. Венецианское эссе «Набережная неисцелимых» («Fondamenta degli incurabili»), другое название «Watermark»)¹ подчеркивает другой важный аспект

осуществления собственной отчужденности — номадической, безместной, субъективной без духа, «мертвого субъекта». См.: Dean MacKannel, *The Tourist* (Berkeley: University of California Press, 1999), XV–XVIII.

¹ Эссе, написанное по-английски, впервые было опубликовано в итальянском переводе Жилберто Форти как «Fondamenta Degli Incurabili» в декабре 1989 года. По-английски издано отдельной книгой под названием «Watermark» в июне 1992 года. На русском языке опубликовано в переводе Григория Дашевского в журнале «Октябрь» № 4, 1992 под названием «Набережная неисцелимых». Впоследствии этот перевод, расширенный и дополненный с учетом американского издания, был заново отредактирован

литературных путешествий, а именно что путешествие всегда является автобиографией.

Хотя в данной книге пойдет речь и о некотором количестве стихотворных путешествий, написанных Бродским в Советском Союзе, основное внимание будет уделено прозаическим и стихотворным текстам, созданным им после эмиграции в 1972 году. Кроме эссе о Бразилии, Турции и Венеции будет обсуждаться также ретроспективный путеводитель по Ленинграду, озаглавленный «Путеводитель по переименованному городу» (включен в сборник «Меньше единицы») и «Место не хуже любого» (вошло в сборник «О скорби и разуме», отражает обобщенный туристический опыт автора)¹. Из многочисленных поэтических текстов Бродского, написанных после 1972 года, в данной работе подробно рассматриваются «Мексиканский дивертисмент» (1975) и стихотворения о Венеции, созданные между 1973 и 1995 годами. Это «Лагуна», «Сан-Пьетро», «Венецианские строфы» (1 и 2), «В Италии», «Лидо», «Посвящается Джироламо Марчелло» и «С природы». Мексиканский цикл и венецианские стихи создают контраст между европейскими и неевропейскими образами Бродского, а параллельное прочтение поэтических текстов о Венеции на русском и эссе на английском дают хорошую отправную точку для дискуссии

и опубликован в седьмом томе собрания сочинений Бродского (Сочинения Иосифа Бродского: В 7 т. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. Т. 7). Далее, если нет специального оговора, эссе будет упоминаться и цитироваться в этом переводе. — *Прим. перев.*

¹ «После путешествия» и «Путешествие в Стамбул» были изначально написаны по-русски, но переведены на английский автором совместно с Александром Сумеркиным в первом случае и с Аланом Майерсом во втором. Остальные три эссе Бродский написал по-английски. Текст о Ленинграде, включенный в «Меньше единицы», первоначально появился в журнале «Vogue» (сентябрь 1979) под названием «Ленинград: таинственный город» («Leningrad: City of Mystery»), затем был переведен на русский Львом Лосевым и напечатан в журнале «Часть речи» (№ 1. 1980). Эссе «Место не хуже любого» («A Place as Good as Any»), включенное впоследствии в книгу «О скорби и разуме», переведено Еленой Касаткиной и впервые опубликовано на русском в специальном выпуске журнала «Звезда», посвященном Бродскому (№ 1. 1997). Английское эссе «Watermark» («Водяной знак») было впервые напечатано ограниченным тиражом по-итальянски (см. прим. 1 на с. 13).

о нелегкой, но успешной *транскультурации* Бродского из советского эмигранта и русскоязычного поэта в автора эссе на английском и нобелевского лауреата, выдвигая на первый план вопрос о *перемещении*, важный для всей литературы путешествий¹.

Определить литературные путешествия в жанровой терминологии — задача сложная, что видно на примере редакторов-составителей «Кембриджского справочника по литературе путешествий» («Cambridge Companion of Travel Writing»), которые включили в свой обзор литературы путешествий, входящих в канон западной культуры, целый ряд дискурсивных практик — от поэтических до теоретических: библейские сюжеты (Исход, наказание Каина), путешествия Античности («Одиссея», «Энеида»), средневековую путевую литературу (Марко Поло, паломничества пилигримов и крестовые походы), записки моряков, торговцев и ученых (от исследователей XVI века до Чарлза Дарвина и Александра фон Гумбольдта), фальсификации и пародии («Путешествия Гулливера»), романтическую литературу, фланеров модерна (Бодлер), путеводители Томаса Кука и журналистику путешествий, путевую литературу писателей конца XIX века и модернистов (Флобер, Д. Лоуренс, Грэм Грин, У.Х. Оден), политические путешествия (Дж. Оруэлл), современные бестселлеры о путешествиях (Брюс Чатвин, Пол Теру) и, наконец, теоретические исследования путешествий (постколониальные и гендерные исследования)². Этот обзор англоцентричен,

¹ Термин *транскультурация*, используемый в этнографии, впервые появился в трудах кубинского социолога Фернандо Ортиса. Для моей работы наиболее подходит определение, данное Мэри Луизой Пратт, согласно которой термин используется для описания того, как «подчиненные или маргинальные группы создают новое на основе отбора материалов, предоставленных им доминантной культурой или культурой метрополии». См.: Mary Louise Pratt, *Imperial Eyes: Studies in Travel Writing and Transculturation* (London: Routledge, 1992), 6.

² Питер Хьюм и Тим Янгс, предисловие к «Кембриджскому справочнику по литературе путешествий» (*Cambridge Companion of Travel Writing* / Ed. Hulme and Youngs (Cambridge: Cambridge University Press, 2002), 1–13). Неуловимость жанра отражена и в обилии определений, применяемых к путевой литературе. В английском языке могут использоваться среди прочих: литература путешествий, путевая литература, жанр путешествия, трaвeлог, путевые записки, путевые заметки, нарратив путешествия,

по собственному признанию редакторов, но он может быть полезен для обсуждения путевой прозы и поэзии Бродского по двум причинам. Во-первых, он указывает на некоторую социально-историческую динамику, так же как на развитие литературных конвенций, которые вдохновляли Бродского на создание его образов путешествий: нарратив Улисса, «стернианство», поэзия романтиков, массовый туризм и англо-американская литература модернизма. Во-вторых, это позволяет читателю подходить к литературе путешествий с общим представлением о различных дискурсивных практиках, а не со строгим определением литературного жанра.

Рассматриваемая в этой перспективе, литература путешествий включает в себя не только эссе, посвященные путешествиям, но и впечатления от других городов и стран, представленные в лирической поэзии. Таким образом, литература путешествий как термин характеризует в этой книге стихи и прозу Бродского, либо относящиеся к его конкретным поездкам, либо отражающие его опыт путешествий на более общем уровне. Кроме того, я периодически использую выражение «текст-путешествие», чтобы усилить теоретическое обоснование выбранной научной позиции. Эта позиция опирается на допущение, что литературные тексты — это «события» и они являются «обмирщенными», так как тексты — это «часть социального мира, человеческой жизни и, конечно, исторических моментов, в которые они существуют и интерпретируются», как пишет Эдвард Саид, отмечая верность такой характеристики, «даже когда тексты явным образом отвергают это»¹. Помимо значений, которое

путевые повести и путевая поэзия. Основные русские термины: *литература путешествия, травелог, путевые заметки, путевые очерки и путеводитель в стихах*. Некоторые из этих терминов могут восприниматься как обозначающие поджанры со специфическими свойствами (для большинства читателей, вероятно, травелог ассоциируется с более обширным повествованием, чем путевые записки), но все они представляют дискурсивные практики, которые могут быть описаны как литература путешествий. [Здесь и далее travel writing будет переводиться в основном как «литература путешествий». — Прим. перев.]

¹ Edward Said, *The World, the Text and the Critic* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1983), 4. Отправная теоретическая точка рассуждений Саида — это критика структуралистского понимания текста как

слово «письмо» (перевод французского *écriture*) приобрело в теоретических работах последних десятилетий, у него есть обыденное значение, связанное скорее с процессом, чем с завершённым действием, что соотносится с саидовским представлением о тексте как о том, что имеет бытие-в-мире, обмирщено. Такое представление объединяет подходы, используемые в этой книге по отношению к произведениям Бродского.

Короткий обзор истории русской литературы путешествий даёт представление о том, что она столь же гетерогенна, сколь и англоязычная традиция, о которой было сказано выше. Первой русской путевой прозой были средневековые описания паломничеств (*хождения*). Самым известным секулярным средневековым путевым текстом было созданное купцом XV века Афанасием Никитиным описание его путешествия в Персию и Индию. Отчеты послов XVI века (так называемые *статейные списки*) касались в основном дипломатических вопросов, позже они стали затрагивать другие темы, интересные двору, — сады, театры и больницы. Некоторые из молодых людей, которые были посланы получить европейское образование, — практика, начатая Борисом Годуновым, но более успешно продолженная Петром I и Екатериной II, — описали свои впечатления. Самым известным из такого рода текстов является дневник путешествия стольника П.А. Толстого. Важное для развития практики путешествий изменение произошло в царствование Петра III, когда дворяне были освобождены от необходимости службы и представители высших кругов общества получили полную свободу путешествовать.

«герметического текстуального космоса <...> в котором значение измеряется <...> целиком интроспективно или интеллектуально» (35). Он возражает на это, что «у текста есть способы существования, которые даже в самых утонченных формах опутаны обстоятельствами времени, места и общества — короче говоря, эти тексты существуют в мире, поэтому являются „обмирщенными“» (Ibid.), и предлагает рассматривать текст как «значимую форму, в которой <...> обмирщенность, обстоятельственность, статус события имеют осязаемую подробность и в то же время историческую протяженность, инкорпорированные в текст как неотъемлемая часть его способности продуцировать и передавать значения» (39).

Дневники княгини Е.Р. Дашковой и письма Д.И. Фонвизина отражают эти изменения. «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина (1791) и «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева, как недавно заметил Андреас Шёнле, создали, с опорой на успешные европейские примеры «Сентиментального путешествия» Л. Стерна и «Писем об Италии» Шарля Дюпати, «моду и жанр» — с личными наблюдениями и эмоциональным откликом на увиденное в пути, а в случае Карамзина — за границей¹. В начале XIX века путешествия становятся популярным и «рентабельным» жанром. В расширяющейся Российской империи новые пространства привлекают воображение писателей. Кавказ становится центральной темой русской романтической литературы до такой степени, что Пушкин (в 20-е годы бывший одним из лидеров этого направления), работая в 1835 году над «Путешествием в Арзрум», пародирует эту ветвь романтической прозы — русские путешествия на Восток². В XIX веке развивается еще один поджанр воображаемого путешествия — беллетристическая прогулка по улицам Петербурга³. Позже авторы, составившие

¹ Этот краткий обзор основан на работе Андреаса Шёнле «Authenticity and Fiction in the Russian Literary Journey, 1790–1840» (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2000), см. особенно 1–16. [Русский перевод: Шёнле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий 1790–1840. СПб.: Академический проект, 2004, см. с. 5–20. — *Прим. перев.*] См. также: Sara Dickinson, *Breaking Ground: Travel and National Culture in Russia from Peter I to the Era of Pushkin* (Amsterdam: Rodopi, 2006); T. Roboli, *The Literature of Travel*, in: *Russian Prose* / Ed. B.M. Eikhenbaum and Yury Tynianov, trans. and ed. Rey Parrot (Ann Arbor, Mich.: Ardis, 1985) [Роболи Т. Литература «путешествий» // Русская проза / Под ред. Б. Эйхенбаума и Ю. Тынянова. Л.: Academia, 1926. С. 42–73. — *Прим. перев.*]; Reuel K. Wilson, *The Literary Travelogue. A Comparative Study with Special Relevance to Russian Literature from Fonvizin to Pushkin* (The Hague: Martinus Nijhoff, 1973); Derek Offord, *Journeys to a Graveyard: Perceptions of Europe in Classical Russian Travel Writing* (Dordrecht: Springer, 2005).

² Susan Layton, *Russian Literature and Empire: Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoi* (Cambridge: Cambridge University Press, 1994), особенно 54–70; Monika Greenleaf, *Pushkin and Romantic Fashion: Fragment, Elegy, Orient, Irony* (Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1994), 8–55, особенно 144–145.

³ Julie Buckler, *Mapping St. Petersburg: Imperial Text and Cityshape* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2005), 89–115.

элиту русского модернизма, пишут очень много произведений о путешествиях: Александр Блок, Андрей Белый, Николай Гумилев, Борис Пастернак, Осип Мандельштам и Владимир Маяковский отражают опыт своих путешествий как в поэзии, так и в прозе¹. Центром притяжения для творчества русских модернистов была Италия, но, например, Гумилев и Белый также писали о своих путешествиях в Африку, а Маяковский — об американских впечатлениях². Тема путешествий расцветает в ранней советской литературе 20–30-х годов — в диапазоне от размышлений Пильняка о его путешествии в Соединенные Штаты («ОК. Американский роман») до репортажей и прозы менее известных советских писателей об индустриальных и сельскохозяйственных успехах Страны Советов³. Такие глубоко личные и художественно амбициозные произведения, как, например, «Путешествие в Армению» Мандельштама, не могли быть опубликованы в последующую жесткую сталинскую эпоху, но нельзя сказать, что путешествия совсем не писались и не печатались. Один из примеров — «Одноэтажная Америка» Ильфа и Петрова (1936)⁴. В годы правления Сталина путешествия строго контролировались государством, но при закрытых внешних границах внутренний туризм поощрялся. Советский туризм был патристическим и вносил вклад в конструирование советской идентичности⁵. В послесталинское время путешествия внутри

¹ См., например, «Молнии искусства» Блока, «Путевые заметки» Белого, «Мик. Африканская поэма» и «Шатер» Гумилева, «Охранную грамоту» Пастернака, «Путешествие в Армению» Мандельштама, «Стихи о Париже» и «Мое открытие Америки» Маяковского.

² О восприятии Африки русскими модернистами см.: Gwen Walker, *Silver-Age Writers on the «Black» Continent: Russia, Africa and the Celebration of Distance* (PhD diss., University of Wisconsin–Madison, 2003).

³ Carol Avins, *Border Crossings: The West and Russian Identity in Soviet Literature 1917–1934* (Berkeley: University of California Press, 1983), 139, 150.

⁴ Негативные отзывы современных Мандельштаму критиков на его эссе предвещали закручивание гаек в культурных институтах в эпоху сталинизма. См.: Мандельштам О. Сочинения: В 2 т. М.: Художественная литература, 1990. Т. 2. С. 420–423.

⁵ Anne E. Gorsuch, «There Is No Place Like Home»: Soviet Tourism in Late Stalinism // *Slavic Review* 4 (2003): 760–785.

страны стали контролироваться гораздо меньше¹. Именно в этот исторический момент появляется путешествующий герой Бродского. До и после вынужденного путешествия в северную деревню Норенская, где он провел восемнадцать месяцев в ссылке, Бродский опробовал самые разные формы неофициальных путешествий послесталинской эпохи, которые повлияли на представление темы путешествий в советской литературе, кино и песнях шестидесятых годов и которые отразились в его стихах о геологических экспедициях, балтийском побережье советской Литвы и южных черноморских курортах².

Как видно из приведенных исторических обзоров русской и англоязычной литературы путешествий, развитие русских литературных путешествий, в отличие от англоязычных, определялось ограничениями и запретами сначала со стороны царского, затем советского режима. Из этого следует, что любое исследование русской литературы путешествий должно учитывать различие нарративов, связанных с принудительным и свободным перемещением. Не менее важно не просто различать эти два типа нарративов, но обращать внимание на своеобразную полемику между ними в русском культурном контексте. Ссылка Пушкина на Черное море оказалась продуктивной для формирования его литературной идентичности в противостоянии авторитарным механизмам русской культуры, а его южные поэмы и строфы путешествия Онегина возникли благодаря возможности путешествовать на Кавказ и в другие южные регионы Российской империи. Это повлияло и на эволюцию русской литературы путешествий в целом. В случае Пушкина идентичность

¹ Тем не менее заграничные путешествия продолжали жестко контролироваться государством. Марина Балина описывает в своей работе зарубежные литературные путешествия как официальную советскую практику: *A Prescribed Journey: Russian Travel Literature from the 1960s to the 1980s* // *Slavic and East European Journal* 38 (1994): 261–270.

² О значимости *романтики путешествий* для шестидесятников пишут Петр Вайль и Александр Генис в книге «60-е: Мир советского человека» (Ann Arbor, Mich.: Ardis, 1988), 93–135 (книга переиздавалась в России, см., например, последнее издание: Вайль П., Генис А. 60-е: Мир советского человека. М.: АСТ: CORPUS, 2014. С. 144–162).

изгнанника неотделима от идентичности лирического героя в нерусском окружении — и оба этих типа идентичности важны для русской культурной мифологии. Проза и поэзия Бродского манифестируют эту своеобразную русскую диалектику перемещения, перенесенную в декорации холодной войны. Хотя сложно отделить стихи Бродского, написанные в северной ссылке, от общей трактовки темы изгнания в русских интеллектуальных кругах, его путевые произведения, созданные в эмиграции, за пределами Советского Союза, раскрывают тему перемещения одновременно принудительного и добровольного. Свобода путешествовать и проводить литературное освоение чужих территорий была дарована Бродскому ценой вынужденного отъезда. Опыт изгнания и туризма — двух главных форм перемещения, часто воспринимающихся как противоположные условия существования человека, — главная проблема большинства текстов Бродского после 1972 года.

На протяжении десятилетий жизни в эмиграции, когда Бродский написал значительное количество текстов-путешествий, тема путешествия привлекала все большее внимание западного академического сообщества и стала, если использовать выражение редакторов кембриджского справочника, «ключевой темой социальных и гуманитарных наук»¹. Наряду с исследовательским интересом к самому понятию путешествия и метафорам, связанным с ним, появилось значительное количество научных работ, посвященных литературе путешествий, произведениям конкретных авторов, а также теме путешествия в литературе в целом².

¹ Hulme and Youngs, *Cambridge Companion to Travel Writing*, 1.

² Помимо уже упоминавшегося «Кембриджского справочника по литературе путешествий» особый интерес для меня представляют следующие работы: Mary Louise Pratt, *Imperial Eyes*; Alison Russell, *Crossing Boundaries: Postmodern Travel Literature* (New York: Palgrave, 2000); Maria Alzira Seixo, ed., *Travel Writing and Cultural Memory* (Amsterdam: Rodopi, 2000); Steve Clark, ed., *Travel Writing and Empire: Postcolonial Theory in Transit* (New York: St. Martin's Press, 1999); Dennis Potter, *Haunted Journeys: Desire and Transgression in European Travel Writing* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1992); Patrick Holland and Graham Huggan, *Tourists with Typewriters: Critical Reflections on Contemporary Travel Writing* (Ann Arbor,